

Валерий ХАИТ

Здравствуйте, я ваша Мотя!..

Когда Давид Макаревский уехал с женой в Германию, в городе стало как-то пустовато. Конечно, Давид Яковлевич и сам по себе был довольно заметной фигурой, но в силу его живой общительности, любопытства и дружелюбия он в Одессе, а особенно в сердцах одесситов, занимал гораздо больше места, чем любой, даже очень известный в городе человек. Потом Макаревские стали при малейшей возможности приезжать в Одессу, и это ощущение некоторой пустоты и неполноты смягчилось: Дод опять замелькал на одесских улицах, в театрах, в филармонии, и конечно, во Всемирном клубе одесситов, где он был Почетным членом и всегда желанным гостем.

Я знал его и был с ним в дружеских отношениях более сорока лет, но увидел его гораздо раньше.

Когда в 1956-м году я приехал в Одессу из Аккермана и стал студентом ОИСИ (Одесского инженерно-строительного института), то через некоторое время вместе со своими новыми друзьями-сокурсниками стал бывать на разных очень популярных тогда студенческих вечерах. Мы, помню, ходили в Технологический и в Холодильный, где в те годы была очень сильная самодеятельность, регулярно вечера были и в нашем Строительном, но у нас, кажется, увлекались тогда больше джазом, в институте был свой эстрадный оркестр и отличные певцы.

Я не припомню, когда и где первый раз увидел Макаревского на сцене; мне кажется, что это было в технологическом им. Ломоносова на Канатной. А возможно, это было во Дворце железнодорожников, где тоже были в то время очень популярные молодежные вечера. Дод выступал вдвоем со своим напарником (уже потом, по прошествии многих лет, прочитав "Книгу про меня", я узнал, что напарника и самого близкого друга Дода той поры звали Лека), они, кажется, разыгрывали веселые скетчи и пели куплеты.

Все это было очень артистично, я уже тогда почти еще бессознательно отметил и оценил у Дода живую разговорную интонацию: он ухитрялся, говоря громко, даже чуть форсируя (микрофонов тогда, по-моему, еще не было), делать это абсолютно естественно, как в обычном разговоре, отчего эффект от производимого только усиливался: пару приносили на ура...

После окончания института я стал бывать на вечерах уже не так часто, хотя сам пытался что-то организовывать на своей работе. Потом наступила эпоха телевизионного КВНа, играть в него стали все, я собрал у себя в проектно-институте команду, мы, помню, у кого-то там выиграли, меня заметили амбициозные ребята из того же, кажется, Технологического, пригласили в сборную, мы съездили в Москву с заявкой-приветствием, выступили вроде бы успешно, и Одесса официально стала участником сезона КВН 1966-67.

Затем было первенство города, возглавляемая мной сборная проектных организаций с бесхитростным названием Команда КВН "Чкалова, 2а" стала чемпионом, на ее основе была создана сборная, меня избрали капитаном и т. д. и т. п.

Все это было пока без Давида Макаревского. Дело в том, что к тому времени он стал одним из ведущих актеров знаменитого одесского молодежного театра "Парнас-2", с которого начали свой славный путь на эстраде уже невероятно известные в городе Карцев, Ильченко и Жванецкий. "Парнас-2" — это была марка, это было высоко, недостижимо, это было профессионально, в общем, совсем не то, что кавказская самодеятельность...

Тем временем одесская сборная выиграла в полуфинале у днепрпетровцев, возглавляемых славным Сашей Янгелем (между прочим, сыном главного конструктора "Южмаша" Михаила Янгеля), и попала в финал, где должна была встретиться с непобедимой до сей поры командой московских медиков во главе с обаятельнейшим Матвеем Левинтоном. Ставки резко возросли, на карту уже была поставлена честь города, команду стал курировать секретарь по культуре (или, что то же самое, — по идеологии) обкома партии, которым тогда, по счастью, оказалась мудрейшая Лидия Всеволодовна Гладкая, словом, была поставлена задача ну не то чтобы выиграть у москвичей (об этом тогда даже и не мечтали!) но выступить как можно более достойно...

Слов нет, команда московских медиков сама по себе была грозной силой — достаточно сказать, что режиссером у них тогда был Альберт Юльевич Аксельрод. У них были отличные актеры и авторы, на их стороне был, так сказать, фактор "родных стен", за москвичами, наконец, было то неоспоримое преимущество, что финал сезона КВН 66-67 выпал на год пятидесятилетия Октябрьской революции. Кто, спрашивается, заслуживал победы в этот год — город с великими революционными традициями, к тому же столица нашей Родины Москва, или областной центр с сомнительным революционным (да и всяким иным) прошлым — Одесса?

Но все-таки самым главным оружием москвичей было не это. Матвей Левинтон, непобедимый в то время капитан их команды, невероятно обаятельный, кумир Москвы, любящий жюри и Молодежной редакции Центрального телевидения — вот кто был нашим главным соперником в предстоящей встрече!

Нужно было его как-то нейтрализовать, хотя бы ослабить, попытаться выбить из седла, заставить нервничать. Так рассуждали наши стратеги из авторской группы и — придумали. Не помню, кто из них первым сказал эту фразу, но она решила все. "Нам нужен Додик Макаревский", — сказал, кажется, Валя Крапива. Или Юра Макаров. А возможно, и Юра Волович, который к тому времени уже был участником одного из спектаклей театра "Парнас-2". Фраза была произнесена, и всем сразу стало ясно, что выход найден. Тут же был придуман сюжет с оптимальным использованием Дода в приветствии команды. Именно в приветствии: Левинтон должен получить удар сразу — он как главная сила команды участвовал почти во всех конкурсах, а значит, был невероятно опасен... Словом, нами была разработана секретная операция, где главным действующим лицом был именно он — Додик Макаревский, внешне похожий на Мотю Левинтона, во всяком случае, такой же большой и обаятельный...

Медики в приветствии выходили, естественно, в белых халатах. Так вот, авторами было придумано, что в какой-то момент уже нашего приветствия на сцене в белом халате должен был появиться Макаревский и, обаятельно улыбаясь, произнести сакраментальную фразу: "Здравствуйте, я ваша Мотя!". И все! Больше от него ничего не требовалось... Главным же было то, что до самого момента встречи соперники не должны были об этом даже догадываться.

Додика нужно было как-то спрятать. А это, учитывая его габариты, было, как вы догадаетесь, сделать совсем не просто. Но как это ни удивительно, скрыть Дода все-таки удалось...

Мы знали, что медики придут нас встречать. И вот, когда поезд подходил к Киевскому вокзалу, Додик перешел в другой вагон. И когда мы прибыли и стали шумно здороваться, даже, кажется, обниматься с медиками, он незаметно вышел и проследовал к нашему автобусу, где его уже ждали назначенные нами люди. Дод сел на заднее сиденье, его тут же завалили декорациями и костюмами. Через несколько минут и остальные разместились в автобусе, и мы поехали в гостиницу. На следующий день в знаменитом телевизионном театре на площади Журавлева начались репетиции. Или, как их называли телевизионщики, трактовые прогоны. Присутствовать на них никому не возбранялось. В том числе и соперникам. Конечно, мы могли попросить удалить из зала посторонних, но, во-первых, это было не совсем поджентльменски, а во-вторых, сразу вызвало бы подозрение, что готовится какой-то подвох. Да и, честно говоря, мы совсем не были уверены в том, что телевизионщики тут же не поделятся со своими земляками увиденным и услышанным. Поэтому Дод в репетициях не участвовал, и вообще, в телетеатре не появлялся. Он гулял по Москве, успел посмотреть несколько московских спектаклей (Дод всегда был большим театралом), словом, отдыхал и развлекался. Мы же, репетируя приветствие, в том месте, где был выход Дода, начинали дурачиться, плести какую-то чепуху, вместо него на сцену иногда выходил я, вообще не участвовавший в приветствии, называл какие-то цифры, формулы, причем иногда становился в позы и произносил всю эту белиберду с этиками многозначительным пафосом. Никто ничего не понимал, редакторы Молодежной редакции заволновались — тогда был прямой эфир, и они за все производимое на сцене отвечали головой. Мы их успокаивали, говорили, что так и будет на передаче, что это такой абстрактный

юмор. Присутствующие в зале представители соперников тоже выражали удивление, но особенно не волновались: они были очень уверены в себе, и им достаточно было убедиться, что бояться Одессы нечего, ничего такого особенно смешного она в Москву не привезла...

Но вот настал день встречи. Ажиотаж, помню, был невероятный. Еще бы: любимцы Москвы во главе с самим Мотей Левинтоном встречались с командой Одессы — города авторов "Двенадцати стульев" и "Золотого тельца". И вот звучат знаменитые позывные: "В урочный день, в урочный час мы снова рады видеть вас — веселых, любознательных друзей...", игра началась...

Первыми показывают свое приветствие москвичи. Выступают, как всегда, блестяще. Их болельщики неистовствуют... В это время за кулисами появляется Додик. Достает из сумки белый халат, надевает его и, спрятавшись в кулисах с нашей стороны, ждет своего выхода. Не участвующие в приветствии члены команды медиков замечают его, в их рядах начинается легкое беспокойство... Но поздно: Света Жильцова и Саша Масляков вызывают на сцену команду одесситов. Ребята бойко приветствуют соперников и зрителей. Наши болельщики тоже помогают, как могут. И вот приближается решающий момент. Дод мне потом рассказывал, что за кулисами к нему уже вроде бы шли двое или трое медиков, видимо, спросить, что он тут в белом халате не на своей стороне делает... но не успели: после соответствующей реплики Дод шагнул на сцену, шеренга одесситов раздвинулась, он вышел вперед, мило улыбнулся и произнес: "Здравствуйте!.. Я ваша Мотя!..". Зал на секунду опешил. А потом взревел. Причем реакция московских болельщиков была чуть ли не сильнее, чем наших...

Все, дело было сделано. И хотя приветствие тогда, кажется, еще не оценивалось, настроение в зале и в жюри заметно поменялось. Москвичи перестали быть явными фаворитами, и началась настоящая, во многом равная игра. С одним уточнением: Матвей Левинтон действительно был выведен из равновесия — он как-то перестал улыбаться, на лице даже появилось с трудом скрываемая обида, и хотя в конкурсах был по-прежнему хорош, чего-то в нем недоставало, добродушия, что ли?.. А в завершение случилось вообще невероятное — он проиграл мне блестяще подготовленный им конкурс капитанов, проиграл именно потому, что был как бы не в своей тарелке, отчего злился и вообще перестал улыбаться...

Да, игра и впрямь оказалась равной, о чем и сообщило в результате высокое жюри. Потом, тут же на сцене, был брошен жребий и разыграны медали. Так получилось, что нам достались золотые, а медикам серебряные. Что не помешало нам на многие годы стать близкими друзьями.

Операция "Здравствуйте, я ваша Мотя!.." была успешно завершена...

Мы вернулись в Одессу триумфаторами. Давид Макаревский, который и до того был достаточно известен в городе, стал просто звездой. Я помню пользовавшиеся огромным успехом концерты нашей команды в Летнем театре Городского сада, где Дод был чуть ли не центральной фигурой. В нашей команде вообще было много ярких запоминающихся личностей, но на сцене Дод был первым, главным, к нему тянулись все нити, его эстрадный опыт давал о себе знать. Он был ограничен на сцене, и в отличие от суетящихся нас, чувствовал себя на ней, как дома...

Впрочем, концерты эти, кажется, были позже, летом 70-го, после нашей тоже незабываемой встречи с бакинцами, где Макаревский, уже будучи к тому времени полноценным членом команды, блистал в нашем домашнем задании. Я помню, с какой неподражаемой интонацией в сцене "Интеллектуалы", все участники которой расположились на ролях, Додик произносил: "Слышали? Тунгусский метеорит прилетел? — Так он вроде уже прилетал! — А я про тот случай и говорю..."

Я пишу как бы на тему "Давид Макаревский и одесский КВН", хотя понятно, что это всего лишь один, к тому же не самый важный сюжет из его невероятно активной творческой жизни в нашем городе. Есть еще не менее впечатляющие темы, такие, как: "Макаревский в театре "Парнас-2", "Макаревский — актер самодеятельных театров", "Макаревский — участник знаменитых одесских капустников", "Макаревский в театре "Комедиум", "Макаревский — литератор и мемуарист".

Я надеюсь, что обо всем этом тоже напишут, причем напишут те, кто знает обо всем этом гораздо больше, чем я. Хотя если говорить о моментах его биографии, которые я знаю лучше, чем другие, то кроме участия в КВН это еще и самое начало сюжета "Макаревский — литератор".

Толчком к тому, что Давид Яковлевич стал писать, послужила фраза Михал Михальча Жванецкого: "Дод, ты единственный из нас, кто все помнит. Если ты не напишешь о "Парнасе", все уйдет в небытие... Напиши, Дод! Это мое тебе задание... Деньги я дам...". Я случайно при этом присутствовал и добавил: "Дод, когда ты все напишешь, давай рукопись мне, и мы ее издадим. Все сделаем бесплатно...". К тому времени я уже несколько лет был редактором журнала "Фонтан", и мои люди могли легко подготовить книгу к изданию. Так и получилось. Макаревский довольно быстро написал весьма объемистый текст, причем сразу придумал точное для книги название; помню, как он гордился этой своей придумкой — книга о театре "Парнас" называлась "Книга про нас": "Слышишь, как названия переключаются?..." — говорил он мне. У Дода сохранилось много фотографий, афишек, пригласительных билетов, даже рецензий на спектакли "Парнаса" — все это мы включили в книгу, а часть фотографий даже использовали для обложки.

И вот книга вышла. Я помню, как во Всемирном клубе мы устроили ее презентацию, как доволен и воодушевлен был Дод (они с Люсей специально приехали в Одессу как раз к выходу книги), как приятно ему было слышать лестные отзывы о своих воспоминаниях (к моменту презентации книгу уже многие успели прочесть). Дод был весел, добр, очень лихо шутил. Он как-то даже явно помолодел, посвежел, — чувствовалось, что в нем опять появилась уверенность: он на месте, он нужен, нужен друзьям, зрителям, одесситам, нужен Одессе. Родной Одессе, которой он отдал всю свою такую яркую и неповторимую жизнь...

